

Государственный мемориальный и природный заповедник
Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»
Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва)

ЯСНОПОЛЯНСКИЙ СБОРНИК

2014

статьи
материалы
публикации

II

Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»

2014

ББК 83.3(2=Рус)1
Я82

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. А. Толстая (*главный редактор*), А. Ф. Строев, Н. И. Азарова,
Т. Н. Архангельская, О. А. Голиненко, А. В. Гулин, В. А. Лебедева,
В. Б. Ремизов, О. А. Дорофеев, А. А. Златопольская, А. Н. Полосина,
Е. В. Петровская, Христиан Мюнх

Составитель А. Н. Полосина

Издается с 1955 г.

Я82 Яснополянский сборник: 2014: Статьи, материалы, публикации. — Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014. — 386 с.: ил.

ISBN 978-5-93322-097-8

Двадцать седьмой выпуск «Яснополянского сборника» содержит новые работы российских и зарубежных исследователей, рассматривающих творчество Л. Н. Толстого в контексте русской и европейской литературы, философии, религии, искусства. В сборник также включены материалы двух прошедших в Ясной Поляне научных конференций, посвященных сложным творческим и мировоззренческим связям Л. Н. Толстого с европейским Просвещением.

Издание иллюстрировано редкими фотографиями.

Адресовано литературоведам, музейным работникам, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов.

ББК 83.3(2=Рус)1

ISBN 978-5-93322-097-8

© Авторы статей, 2014
© «Музей-усадьба Л. Н. Толстого
«Ясная Поляна»», 2014

А. С. Александров

ИЗ ИСТОРИИ ТОЛСТОВСКОГО МУЗЕЯ
В ПЕТЕРБУРГЕ:
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ И ВС. И. СРЕЗНЕВСКИЙ*

Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича и Всеволода Измайловича Срезневского, сотрудника библиотеки Академии наук, библиографа, историка литературы, археографа, члена-корреспондента АН (1906), связывала многолетняя дружба¹. Их переписка, продлившаяся более тридцати лет и сохранившаяся в НИОР РГБ (ф. 369) и РГАЛИ (ф. 436), — без преувеличения уникальный документ эпохи, проливающий свет на работу исследователей в дореволюционное и послереволюционное время.

Их диалог завязался еще в начале 1900-х гг. В это время Срезневский возглавлял рукописное отделение библиотеки Академии наук. При посредничестве Бонч-Бруевича рукописное отделение активно пополнялось печатными и рукописными материалами по истории революционного движения. В 1929 г. в письме к Срезневскому Бонч-Бруевич вспоминал: «Вы всегда были отзывчивы на сохранение всех нелегальных документов в самое опасное царское время, когда за какой-нибудь латышский архив, если бы он у Вас был обнаружен, Вы пошли бы на каторжные работы. Об этих Ваших прекрасных делах 1905—6 г. и следующих годах я постоянно рассказываю решительно везде, так как всегда помню, как Вы вместе с А. А. Шахматовым спасли мой архив, с письмами Ленина, Плеханова, Аксельрода и др., мою библиотеку, сохранили архив латышей и т. д.»². А в 1933 г., в справке, составленной Бонч-Бруевичем по просьбе Срезневского, также сообщалось: «В ближайшие годы до революции В. И. Срезневский работал в Рукописном отделении Академии наук и весьма деятельно помогал нам, революционерам, собирать нелегальную литературу заведомой им

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ — МК-1499.2013.6.

библиотеки Рукописного отделения <так!>. Причем нередко он сам себя подвергал большой опасности, так как Охранное отделение постоянно за ним следило, делало обыски и преследовало его»³. Бонч-Бруевич был поставщиком рукописных материалов по истории сектантских движений в библиотеку Академии наук. В свою очередь, Срезневский помогал Бонч-Бруевичу организовывать экспедиции, снабжал документами от имени Академии наук и добивался выделения средств на эти цели. В архиве Бонч-Бруевича сохранилось несколько таких документов; в одном из них, выписанном на имя Бонч-Бруевича от Императорской Академии наук, в частности, говорилось: «Рукописное отделение Библиотеки Императорской Академии Наук покорнейше просит Вас оказать ему Ваше содействие при исследовании сектантских общин в Кубанской и Терской областях, в Тифлисской, Кутаисской, Бакинской и Харьковской губерниях, а также и в других местах Российской империи, куда обстоятельства работ Ваших принудят Вас поехать. Отделение просит Вас собирать рукописи и книги, как современные, так и прошлых веков, а также делать всевозможные записи со слов сектантов, каковы Вы пожелаете сделать»⁴. Важной темой научных обсуждений двух исследователей было творческое наследие Л. Н. Толстого и деятельность возглавляемого Срезневским Толстовского музея в Петербурге. Судьба этого музея крайне драматична и уникальна. Исследователи уже обращались к истории Толстовского музея⁵, однако взаимоотношения двух основателей музея до конца не прояснены. Обращение же к архиву Бонч-Бруевича и Срезневского позволяет реконструировать отдельные страницы истории первого Толстовского музея.

Основание музея связано не с коллекцией рукописей, материалов или мемориальным местом. Импульсом к созданию музея послужил информационный повод. В преддверии 80-летия со дня рождения Л. Н. Толстого, еще в конце 1907 г., в прессе проводилось широкое обсуждение предстоящего юбилея писателя. Перед обществом и почитателями Толстого встал вопрос о том, как следует отметить юбилей «великого писателя земли русской». С целью организации чествования Толстого был образован Комитет почина. Впрочем, Толстой выступил с категорическим заявлением против какого-либо чествования. Несмотря на протесты писателя, так или иначе его юбилей был отмечен общественностью. Сотни газет Российской империи и всего мира вышли с материалами, посвященными 80-летию писателя, различные

общественные организации проводили юбилейные собрания. Именно в это время появилась и идея организовать выставку, посвященную Толстому, которая прошла в Петербурге весной 1909 г. Идея о выставке была принята на съезде представителей повременной печати, также на этом съезде «особому комитету <...> было поручено впредь до утверждения Общества имени Л. Н. Толстого исполнять функции этого Общества и в частности открыть повсеместный сбор и принять все другие необходимые меры для устройства в ознаменование 80-летия Л. Н. Толстого Дома-Музея имени великого писателя в Петербурге»⁶. Как сообщалось в прессе, для организации музея «комитет выделил из своей среды особую комиссию», куда вошли: Л. Н. Андреев, К. И. Арабажин, Ф. Д. Батюшков, В. Я. Богучарский, В. Д. Бонч-Бруевич, И. Я. Гинцбург, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, Вс. И. Срезневский и академик А. А. Шахматов.

В январе 1909 г. общество для устройства музея имени Л. Н. Толстого было утверждено, и началась работа по сбору материалов для выставки. Каждый из членов комитета отвечал за определенный отдел. Активное участие в подготовке намеченного события приняли Вс. И. Срезневский и В. Д. Бонч-Бруевич. Например, в «Биржевых ведомостях» перечислялись отделы выставки, а также имена лиц, ответственных за подготовку. Литературный отдел, в который входили печатные произведения Л. Н. Толстого (по возможности полный подбор всех вышедших изданий), а также письма, автографы и пр., подготавливался при ближайшем участии академика А. А. Шахматова и Вс. И. Срезневского. А русские и иностранные книги и статьи о Толстом, критику и библиографию, переводы должны были готовить К. И. Арабажин, С. А. Венгеров, В. Д. Бонч-Бруевич⁷. Выставка имела большой успех, однако еще до ее открытия было принято решение об учреждении музея. Важную роль в деле создания музея сыграло Общество имени Л. Н. Толстого, созданное в Петербурге в 1909 г. Среди членов Совета, руководившего работой Общества, были В. Д. Бонч-Бруевич, С. А. Венгеров, И. Я. Гинцбург, В. Г. Короленко, В. Я. Муринов, Вс. И. Срезневский, М. А. Стахович и др. В 1910 г. было открыто московское отделение Общества, которое активно включилось в предварительную работу «по возможности полного собирания для будущего центрального музея всего того, что связано с именем Л. Н. Толстого»⁸.

О петербургской выставке появились отзывы в печати. Например, В. Д. Бонч-Бруевич в обзоре выставки писал: «По количеству

предметов, по значительности и достоинству всего выставленного — выставка имени Л. Н. Толстого должна быть признана одной из самых обширных из когда-либо бывших в честь и славу того или иного писателя. Надо иметь в виду, что все эти 4319 предметов так или иначе касаются исключительно самого Льва Николаевича. Современники Толстого, эпоха, в которую он жил, живет и работает, совершенно не представлены на выставке, если не считать единичных предметов»⁹.

Музей был открыт 27 марта 1911 г. Некоторое время он существовал на частные взносы. Через несколько лет ситуация несколько улучшилась. Вс. И. Срезневский во вступительной статье к «Краткому описанию музея», опубликованному им в 1913 г., сообщал, что «в нынешнем году, благодаря постановлению С.-Петербургской Городской Думы, признавшей (на основании заключения Комиссии по народному образованию) крупное культурное значение Музея... материальное положение Музея более или менее обеспечено»¹⁰. До 1917 г. Толстовский музей существовал на частные пожертвования и несколько раз менял адреса: сначала экспозиция располагалась на Невском проспекте, 102, в шести комнатах, с 1912 г. в доме № 6/13 по Большому проспекту Васильевского острова.

После Октябрьской революции, в 1918 г., музею было выдано охранный удостоверение из Комиссариата по просвещению¹¹. Позднее было принято решение обратиться к Конференции Российской академии наук с предложением «принять музей на вечное хранение» при библиотеке Академии наук. Ходатайство нашло отклик, и Толстовский музей был включен в систему академических учреждений, а Общество Толстовского музея прекратило свое существование в апреле 1919 г.

Вхождение музея в структуру Академии наук не только спасло его коллекцию, но и придало новые импульсы его развитию, несмотря на тяжелейшие условия двадцатых годов. У музея появился свой небольшой штат сотрудников, которые вели работу по целому ряду направлений: они готовили к публикации тексты Толстого, составляли картотеки библиотеки Толстовского музея и вырезок корреспонденций о Толстом из газет, вели обширную переписку с переводчиками произведений Толстого из Китая, Японии, Индии и европейских стран.

Серьезный план научных работ был намечен сотрудниками музея к приближавшемуся 100-летию со дня рождения Толстого¹². Впрочем, с грядущим юбилеем были связаны и определенные тревожные ожидания. В декабре 1927 г. Срезневский писал Бонч-Бруевичу: «Скоро

у Вас начнет действовать юбилейная комиссия. Боюсь, не поднимется ли вопрос об уничтожении или слиянии с Пушкинским домом нашего Толстовского Музея, к[ото]рый теперь при Рукоп[исном] Отд[елении], отданный Ак[адемии] Н[аук] на вечное хранение с условием сохранить его самостоятельность»¹³.

В январе 1928 г. Срезневский вновь обращается к Бонч-Бруевичу с просьбой о защите: «У меня к Вам просьба, о которой мельком я Вам уже писал: если в Юбил[ейном] Толст[овском] Комитете поднимется вопрос о нашем Музее, о его уничтожении или о присоединении к Пушкинскому Дому, защитите его своим авторитетным словом, как один из его основателей, член бывшего Толст[овского] Общества, член совета, редактор его “Известий”. Уничтожить или соединить Музей с чем-нибудь в нынешний юбилейный год невозможно и позорно. Если б заглянули Вы в Музей наш, Вы увидели бы, насколько он разросся, как усердно посещаются экскурсии. Кто работает у нас в Питере против нашего же Музея, Вы хорошо знаете, отчего и в Музее, и в Библ. трудно сказать что доброе»¹⁴. Обращения Срезневского к Бонч-Бруевичу имели определенные основания. В архиве петербургского Толстовского музея нами выявлено обращение председателя ученого совета московского Толстовского музея в Президиум АН от 1927 г. с просьбой о передаче всей коллекции ленинградского музея в Москву, в этом обращении сообщалось: «Постановлением Юбилейного Комитета по ознаменованию столетия со дня рождения Л. Н. Толстого, председателем которого состоял А. В. Луначарский, на первом заседании Комитета, происходившем 12 декабря 1927 г., Толстовский Музей в Москве признан центральным Толстовским Музеем, в котором признано желательным сосредоточить все толстовские материалы, где бы они ни находились. <...> Толстовский Музей за последние годы сделался центром научно-исследовательских работ по Толстому, особенно интенсивных в связи с начатым Госиздатом первым Полным Юбилейным Собранием Сочинений Л. Н. Толстого. Вследствие этого Толстовский Музей полагает, что если бы Президиумом Академии было признано нецелесообразным дальнейшее самостоятельное существование Толстовского Музея Академии Наук, то всего естественнее и целесообразнее было бы передать весь Ленинградский Толстовский Музей в целом Толстовскому Музею в Москве»¹⁵.

В 1929 г. в Академии наук была образована особая комиссия по делу Толстовского музея, которая вопреки желанию московских толстоведов

начала процесс слияния Толстовского музея с Пушкинским Домом, и уже в 1930 г. музей перестал существовать. В РО Пушкинского Дома и в Петербургском филиале архива АН сохранился ряд документов, по которым можно проследить решение судьбы Толстовского музея: это официальные письма Президиума АН, письма В. И. Срезневского в Президиум АН. Некоторые документы уже опубликованы¹⁶.

Музей был расчленен: рукописи переданы в Рукописный отдел Пушкинского Дома, библиотека Толстовского музея была выделена в отдельный 95-й шкаф и передана библиотеке Пушкинского Дома, где и хранится до сих пор; изобразительные материалы переданы в музей Пушкинского Дома, особо ценные занимают первый зал музея по сей день.

Бонч-Бруевич о будущем петербургского музея высказался в письме к Срезневскому в 1930 г.: «По поводу Толстовского Музея мы сейчас предпринимаем самые решительные шаги. Я считаю, что все делается к лучшему. Нисколько не печалюсь о том, что наконец решатся избавиться от самостоятельного Толстовского Музея в Ленинграде, — ему там не место. Я всегда был сторонником соединения подобным музеям в одном месте по типу Ленинского Института. <...> Я стою на той точке зрения, что все рукописи, где бы они ни находились, в Публичной Библиотеке в Ленинграде, или в б[ывшем] Румянцевском Музее и в других городах, также должны быть сосредоточены в Толстовском Государственном Музее. И если я не сделал в этом направлении самых настойчивых шагов перед центральным Правительством, то только потому, что Толстовский Музей в Москве не находится в каменном помещении <...>. Если буду жив, приложу все и всяческие усилия к полному объединению всех материалов о Толстом в одном месте, и только тогда, я считаю, будет настоящая возможность производить научные исследования над Толстым в полном объеме без затраты массы ненужных сил и энергии <...>. Что же касается Толстовского Музея в Ленинграде, то у нас имеется ряд постановлений, как Ученого Совета Государственного Толстовского Музея, председателем которого я состою, так и Государственной Комиссии по изданию Юб[илейного] Перв[ого] Полн[ого] собр. соч. Л. Н. Толстого, к которым безусловно присоединится Наркомпрос, и все это вместе взятое пойдет в ЦИК СССР в отдел научных учреждений для окончательного решения и утверждения»¹⁷.

Позиция Бонч-Бруевича во многом повлияла на мнение Срезневского, и он перестал отстаивать возможность сохранения Толстовского

музея в Ленинграде. Переписка ученых продолжалась вплоть до смерти Срезневского в 1936 г.

Рукописное собрание ленинградского музея было передано в Московский Толстовский музей в 1939 г.

¹ Отдельные материалы о взаимоотношениях исследователей см. в статье: К о п а н е в А. И. Всеволод Измайлович Срезневский — библиотекарь Библиотеки Академии наук // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1973. С. 215—245.

² Письмо В. Д. Бонч-Бруевича к Вс. И. Срезневскому от 20 ноября 1929 г. (копия) (НИОР РГБ, ф. 369, оп. 206, № 7, л. 3). Выдержки из писем В. Д. Бонч-Бруевича мы публикуем по сохранившимся в его архиве (НИОР РГБ, ф. 369) копиям.

³ НИОР РГБ, ф. 369, оп. 206, № 7, л. 28.

⁴ НИОР РГБ, ф. 369, оп. 338, № 17, л. 13. Об успехе экспедиции можно судить по письму Срезневского к Бонч-Бруевичу: «Радуюсь успехам Вашим по собиранию материалов и по наблюдениям. Три посылки Ваши и два пакета пришли в полной сохранности» (там же, л. 16).

⁵ См. статьи: М а з у р Т. Р. История забытого музея: К 100-летию первого в России музея Л. Н. Толстого: (По материалам петербургских архивов) // *Ясн. сб.*: 2012. С. 556—573; А г а м а л я н Л. Г. Судьба музея: К столетию открытия первого музея Л. Н. Толстого в России: (По архивным материалам) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 114—128; М а с т е н и ц а Е. Н. Толстовский музей в Петербурге-Петрограде-Ленинграде // Труды Гос. музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 1997. Вып. 2. С. 187—198; Б а х а р е в а Г. В. Коллекция Толстовского музея в библиотеке Пушкинского Дома // Личные собрания в фондах библиотек, архивов, музеев: Материалы 4-й конференции по информационным ресурсам петербурговедения. СПб., 2008. С. 60—69.

⁶ [Б. п.]. Музей имени Л. Н. Толстого в Петербурге // Правда жизни. 1908. 1 декабря.

⁷ См.: [Б. п.]. От комиссии по устройству дома-музея имени Л. Н. Толстого // Биржевые ведомости. 1909. 8 февраля.

⁸ РО ИРЛИ РАН, ф. 302, оп. 4, ед. хр. 4, л. 1.

⁹ Б о н ч - Б р у е в и ч В. Д. Толстовская выставка // Современный мир. 1909. № 5. С. 36.

¹⁰ См.: Толстовский музей в С.-Петербурге: Краткое описание / Сост. В. И. Срезневский, В. Н. Тукалевский. СПб., 1913. С. 9.

¹¹ В нем, в частности, говорилось: «Музей <...> находится на учете и под охраной Правительства, <...> а потому без особого на то разрешения <...> не может быть перемещаем и не подлежит никаким реквизициям» (цит. по: Мазур Т. Р. История забытого музея: К 100-летию первого в России музея Л. Н. Толстого: (По материалам петербургских архивов) // Ясн. сб.: 2012. С. 565).

¹² См. подробнее в статье: Мазур Т. Р. История забытого музея: К 100-летию первого в России музея Л. Н. Толстого: (По материалам петербургских архивов) // Ясн. сб.: 2012. С. 567–568.

¹³ Письмо Вс. И. Срезневского к В. Д. Бонч-Бруевичу от 8 декабря 1927 г. (НИОР РГБ, ф. 369, оп. 338, № 17, л. 57).

¹⁴ Письмо Вс. И. Срезневского к В. Д. Бонч-Бруевичу от 9 января 1928 г. (НИОР РГБ, ф. 369, оп. 338, № 17, л. 57).

¹⁵ РО ИРЛИ РАН, ф. 302, оп. 5, ед. хр. 173, л. 130–131.

¹⁶ См.: Агамаян Л. Г. Судьба музея: К столетию открытия первого музея Л. Н. Толстого в России: (По архивным материалам) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 114–128.

¹⁷ Письмо В. Д. Бонч-Бруевича к Вс. И. Срезневскому от 19 ноября 1930 г. (НИОР РГБ, ф. 369, оп. 206, № 7, л. 18).